

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ ФРГ

В. А. Каменева, Л. И. Федянина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Статья посвящена изучению антропоморфной метафоры в современном немецкоязычном политическом дискурсе. Показан воздействующий потенциал антропоморфных метафор в профессиональном дискурсе женщин-политиков Федеративной Республики Германия, анализируется сфера-магнит антропоморфных метафор немецких политических деятелей. Исследование базируется на материале выступлений и совещаний Урсулы фон дер Ляйен, Франциски Гиффай, Юлии Клэкнер, Свени Шульце, Катарины Барли в 2018 г.

Ключевые слова: *политический дискурс, антропоморфная метафора, прагматический потенциал, политическая метафорология, лингвоперсонология*

Повышение интереса к вопросам лингвокогнитивного кодирования информации в политическом дискурсе послужило стимулом к появлению теории политической метафорологии [1; 9; 13; 15—18] и лингвоперсонологической теории политической метафорологии [3; 8; 14; 19—22]. Соответственно, исследование метафоры как продуктивного лингвокогнитивного средства, позволяющего вскрыть глубинные процессы кодирования, трансляции и декодирования информации в политической коммуникации, способствовало разработке релевантного понятийно-терминологического аппарата указанных теорий и адаптации общелингвистических методов и приемов анализа под специфику указанного научного объекта.

Данное исследование объединяет общую теорию политической метафорологии и лингвоперсонологическую теорию политической метафорологии. Подобный интегрированный подход позволяет выявлять характеристики антропоморфной метафоры политического дискурса ведущих политических деятелей той или иной страны, основываясь на данных исследованиях профессионального дискурса нескольких политиков. Это дает возможность минимизировать необоснованную экстраполяцию выводов, формулируемых на основе результатов анализа персонотекстов нескольких политических деятелей на всю общность политических текстов, образующих политический дискурс. Под персонотекстом в данном исследовании вслед за Н. В. Мельник понимается текст «в аспекте проявления в нем

свойств языковой личности автора и/или адресата» [12. С. 202].

Антропоморфная метафора уже длительное время вызывает интерес лингвистов. Ее исследуют на материале различных дискурсов и разных лингвокультур [2; 10; 11 и др.]. Существенный вклад в исследование антропоморфной метафоры в немецкоязычной социально-политической коммуникации внесли Р. Д. Керимов и Л. И. Федянина. Их работы способствовали совершенствованию теории немецкоязычной политической метафорологии в общем и послужили основой для обособления теории метафорического антропоморфизма [4—7]. В работах тщательно исследуется материал немецкоязычной социально-политической коммуникации в период с 2009 по 2015 г. Данная работа вносит определенный вклад в развитие теории, созданной Р. Д. Керимовым и Л. И. Федяниной, добавляя в научное поле анализ антропоморфной метафоры с лингвоперсонологических позиций. Под антропоморфной метафорой в данном исследовании понимается тип метафоры, в которой различные конститuentы социально-политической действительности (страны, объединения стран, политические ведомства, организации и т. д.) репрезентируются в ассоциативной связи с человеком или его действиями, способствуя экспликации их оценки в политическом дискурсе. Политический дискурс понимается как речевые произведения, которые создаются политическими деятелями в рамках своей профессиональной деятельности и содержание которых относится к сфере политики.

Гипотеза данной работы состоит в том, что антропоморфные метафоры, с одной стороны, в политическом дискурсе представляют собой эффективное средство акцентирования значимости определенных экономических и политических объединений или событий, переводящее их оценку и интерпретацию из плоскости «человек — социум» в плоскость «человек — человек». С другой стороны, это средство манипуляции, позволяющее политикам снять с себя ответственность за последствия определенных политических или экономических событий из-за их «автономности» и, следовательно, неподконтрольности властям.

Для верификации гипотезы исследования проведем анализ немецкоязычного политического дискурса. Материалом исследования послужат речи известных немецких женщин-политиков, занимавших в недавнем прошлом посты федеральных министров Германии. В выборку исследования включим выступления Урсулы фон дер Ляйен — министра обороны, Франциски Гиффай — федерального министра по делам семьи и молодежи, Юлии Клёкнер — министра продовольствия и сельского хозяйства, Свени Шульце — федерального министра окружающей среды, Катарины Барли — федерального министра юстиции. Для анализа возьмем выступления немецких политиков-женщин в целях соблюдения принципа единообразия материала исследования.

Методика анализа будет включать следующие процедуры: 1) отбор языкового материала, относящегося к немецкоязычному политическому дискурсу; 2) идентификацию антропоморфных метафор; 3) выявление особенностей сферы-магнита метафорической экспансии в антропоморфных метафорах немецкоязычного политического дискурса; 4) описание функциональных особенностей выявленных антропоморфных метафор.

Анализ сферы-магнита антропоморфной метафоры в профессиональном дискурсе немецких женщин-политиков позволяет сделать следующие обобщения.

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируется Германия. Как представляется, с одной стороны, антропоморфная метафоризация политиками ФРГ позволяет дополнительно подчеркнуть очевидную и закономерную значимость своей страны для ее политических деятелей. Мы наделяем антропоморфными признаками только те объекты, значимость которых однозначна для нас. С другой стороны, антропоморфная презентация своей страны позволяет по-

литическим деятелям приписывать некую автономность стране в принятии решений независимо от политиков, снимая груз ответственности за последствия с политических деятелей и предоставляя возможность критики положения некоторых дел в стране. Так, например, в профессиональном дискурсе немецких политиков Германия представлена в образе человека, который, например, должен нести больше ответственности в вопросах внешней политики и политики безопасности: *Damals haben der Bundespräsident, der Außenminister und ich gemeinsam die gleiche Botschaft formuliert: Deutschland muss mehr Verantwortung tragen in Fragen der Außen- und Sicherheitspolitik* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Германия, как влиятельная страна на мировой политической арене, наделяется немецкими политиками способностью настаивать на своих обещаниях и договоренностях, а также ориентироваться в определенных ситуациях: *Deutschland steht zu seinen Zusagen in den Vereinten Nationen. Und Deutschland steht zu seinen Vereinbarungen in der NATO* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018); *Wenn Deutschland als gefestigte Demokratie sich nicht hinter seiner Geschichte versteckt, sondern akzeptiert, dass Soldatinnen und Soldaten für Sicherheit und Freiheit kämpfen müssen* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Отметим антропоморфную метафоризацию изменений политического положения страны на мировой арене в 2014 г. *Damals, im Februar 2014, konnten wir nicht ahnen, wie schnell die sicherheitspolitische Lage uns prüfen wird* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Резкое ухудшение политического положения Германии сравнивается с болезнью человека. Это кодируется морбиальной метафорой и маркируется словами *dramatisch, sich verschlechtern*: *Denn kurz nach der Konferenz begann sie sich dramatisch zu verschlechtern* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируются другие страны. Как представляется, антропоморфная метафоризация немецкими политиками в профессиональном дискурсе других стран позволяет акцентировать их значимость для Германии. Материал исследования показывает антропоморфную метафоризацию США и Франции.

Посредством антропоморфной метафоры США позиционируются как военные, которые постоянно участвуют в боевых действиях: *Nach der russischen Aggression gegen die Ukraine haben die USA ihre TruPenpräsenz in Europa wieder kontinuierlich erhöht*

(<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Акцентирование особенностей американского менталитета позволяет репрезентировать США как политика, которому важно соблюдение политических прав и свобод не только в своей стране, но и в других странах. Например: *Amerika engagiert sich weltweit für seine — aber auch für unsere Sicherheit und Freiheit* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Кроме того, США представляются в образе реформатора, который постоянно думает об улучшениях: *Ja, die Vereinten Nationen brauchen Reformen. Aber sie brauchen keine Schwächung* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). В свою очередь США, когда речь идет о Германии времен Второй мировой войны, представляются в образе человека, не «повернувшегося спиной к проигравшей войну стране», а предоставившего ей план Маршалла: *Nach der dunkelsten Zeit der deutschen Geschichte und dem militärischen Sieg der Alliierten über Nazi-Deutschland, hat Amerika uns nicht den Rücken zugewandt, sondern uns den Marshallplan gegeben. Aus einem weitsichtigen Verständnis der eigenen Sicherheit* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Анализ антропоморфной метафоризации профессионального дискурса политиков позволяет говорить о том, что Германия и Франция метафорически репрезентируются как равноправные политические деятели, демонстрирующие готовность и дальше вместе заниматься европейским проектом: *Deutschland und Frankreich sind bereit, das europäische Projekt gemeinsam weiter voranzutreiben — und wir laden alle Europäer ein, mit voranzuschreiten* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируются экономические и военные объединения нескольких стран. Они предстают в образе политического деятеля, который может проявлять самостоятельность и личную ответственность в доверенных ему делах: *Es geht um ein Europa, das auch militärisch mehr Gewicht in die Waagschale werfen kann. Das damit mehr Eigenständigkeit und Eigenverantwortung tragen kann — letztlich auch in der NATO* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Европейский Союз, на который политики Германии возлагают большие надежды, показывается защитником, обладающим силой и уверенным в себе: *Sie wollen ein Europa, das schützt, sie wollen ein starkes Europa, sie wollen ein selbstbewusstes Europa* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). Организация Североатлантического договора (НАТО) благодаря антропоморфной метафорике также представляется в качестве защит-

ника, обеспечивающего политическую стабильность как в мире, так и в ФРГ: *Die NATO wird für uns immer kollektive Verteidigung sein* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

PESCO — постоянное структурное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (ранее Европейский оборонительный союз) — метафорически репрезентируется как сказочный персонаж (Спящая Красавица), который бездействовал (находился в глубоком сне) десять лет, а затем обрел былую активность (пробудился ото сна). *Deshalb haben wir vor einem Jahr sozusagen das schlafende Dornröschen aus dem Lissabon-Vertrag geweckt, die europäische Verteidigungsunion, die zehn Jahre geschlummert hat. Vor einem Jahr haben wir die Verteidigungsunion Europas aus der Taufe gehoben. Die Pesco ist jetzt ein Jahr alt* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

Антропоморфная метафорика представляется актуальной для описания коллективных вооруженных сил, которые будут действовать сообща. Речь идет о немецко-французской бригаде или немецко-нидерландском корпусе: *Wir wollen nämlich gemeinsame Streitkräfte in nationaler Verantwortung, aber so eng verzahnt, so gemeinsam ausgerüstet und ausgestattet, dass sie gemeinsam üben können für Missionen, wie es jetzt die Deutsch-Französische Brigade in Mali macht oder wie es uns das Deutsch-Niederländische Corps seit vielen Jahren vormacht* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфную репрезентацию имеют различные организации и объединения. Так, террористическая организация предстает в образе убийцы, который не вступает в переговоры, жестоко расправляется с населением: *Der IS* im Irak und in Syrien verhandelt nicht, der IS* im Irak und in Syrien köpft* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). С одной стороны, антропоморфная метафоризация терроризма в речах политиков, позволяет в полной мере показать и негативно оценить бесчинства террористических объединений, с которыми, по мнению политиков, нужно бороться, изгонять из городов, освобождая невинных людей. С другой стороны, подобная метафоризация позволяет подчеркнуть, что террор — деятельность людей, а значит, ее можно остановить. *Wenn wir IS* im Irak und in Syrien unter schwersten Kämpfen aus einer Stadt vertrieben haben, dann gewinnen wir die Herzen der Menschen nur, wenn auch Wasser, Elektrizität und Jobs schnellstmöglich wieder*

* Запрещенная в России экстремистская организация.

da sind (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). *Was hilft es der Familie in Mossul, wenn sie vom Terror befreit ist — dann aber verhungert?* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Антропоморфную метафоризацию в немецком политическом дискурсе получают и те организации, которые сами нуждаются в помощи и поддержке. Например: *Wir haben die OSZE Special Monitoring Mission in der Ost-Ukraine unterstützt* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Антропоморфную репрезентацию в профессиональном дискурсе женщин-политиков имеют вооруженные силы ФРГ, военно-воздушные силы страны, федеральное ведомство вооружений. Приведем ряд примеров. *Und das Militär leistet einen wesentlichen Beitrag zur Bewältigung von Krisen und Konflikten* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). *Die Bundeswehr hat eindrucksvoll gezeigt, was sie kann* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). *Ja, Herr Wehrbeauftragter, die Luftwaffe hat in diesem Jahr ihren fünfundzwanzigsten A400M erhalten* (<https://www.bmvg.de> 13.12.2018). Федеральное ведомство вооружений, информационных технологий и применения бундсвера, получившее в выступлениях женщин-политиков также именование «команда», репрезентируются как активные политические функционеры, которые могут добиваться больших успехов, в пятикратном размере превышающих запланированные: *Das heißt, diese Mannschaft hat in den vier Jahren der letzten Legislaturperiode das Fünffache geleistet* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). Федеральные ведомства и комиссии также предстают в образе политика, который способен оперативно решать вопросы и умеет нести ответственность за принятые решения: *Es ist ein Gesetz, das zeigt, dass der Bund seine Verantwortung auch über 2022 hinaus wahrnehmen wird* (<https://www.bundesregierung.de>

14.12.2018). *Bis Juli 2019 wird die Kommission konkrete, sichtbare und wirksame Vorschläge erarbeiten* (<https://www.bundesregierung.de> 4.12.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфную репрезентацию также получают экономика и политика. Основной фрагмент политико-экономического сектора бюджета метафорически репрезентируется как живое существо, которое с каждым годом растет, что благоприятно отражается на развитии Германии в целом: *In der Tat: Seit fünf Jahren wächst der Haushalt* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

Выводы

Немецкие женщины-политики прибегают к антропоморфной метафоризации в своем профессиональном дискурсе, описывая ФРГ и страны, с которыми важно поддерживать хорошие политические отношения; кроме того, в качестве сферы-магнита метафорической экспансии также выступают экономические и военно-политические объединения нескольких стран, различные организации, вооруженные силы ФРГ, военно-воздушные силы страны, федеральные ведомства и комиссии, политика и экономика Германии.

На внешнеполитической арене Федеративная Республика Германии — страна-лидер, которая формирует экономическую повестку дня как в Европейском Союзе, так и мире и от которой зависят многие политические решения. С одной стороны, используя антропоморфную метафоризацию, политики подчеркивают, что определенные проблемы рукотворны, а значит, решаемы. С другой стороны, применение антропоморфной метафоризации в какой-то мере помогает политикам снять ответственность с себя в сфере политики и экономики.

Список литературы

1. Аникин, Е. Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2015. — № 3 (44). — С. 26—32.
2. Балашова, Л. В. Антропоморфная метафора в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» в российской прессе / Л. В. Балашова // *Жанры речи*. — 2018. — № 4 (20). — С. 277—285.
3. Каменева, В. А. Сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы / В. А. Каменева, А. А. Перевалова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*, 2012. — № 17 (271). — С. 80—86.
4. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации : монография / Р. Д. Керимов. — Кемерово, 2015. — 339 с.
5. Керимов, Р. Д. Антропоморфизм как когнитивно-языковой механизм метафоризации в политдискурсе / Р. Д. Керимов // *Когнитив. исследования языка*. — 2015. — № 22. — С. 448—450.
6. Керимов, Р. Д. Немецкий текст Библии как источник метафорической антропонимики / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина Л. И. // *Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов* :

- сб. науч. тр. III Всерос. шк.-семинара / под ред. Ю. В. Кобенко [и др.]. — Томск : Нац. исследоват. Томс. политехн. ун-т (ТПУ), 2013. — С. 44—52.
7. Керимов, Р. Д. Антропоморфный признак немецких концептов 'GELD' и 'POLITIK' / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина // Культура как текст : сб. науч. ст. — М. ; Смоленск : Ин-т языкознания РАН : Смоленск. гуманитар. ун-т, 2009. — С. 63—72.
8. Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева // Полит. лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 101—112.
9. Кондратьева, О. Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О. Н. Кондратьева, В. А. Каменева // Науч. диалог. — 2020. — № 1. — С. 78—96.
10. Максимова, Ю. А. Политическая метафорика Л. Д. Троцкого (на примере антропоморфных метафор) / Ю. А. Максимова, М. Г. Милютин // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 134—138.
11. Малюкова, Д. С. Антропоморфные метафоры в современном политическом дискурсе / Д. С. Малюкова // Язык и культура. — 2009. — № 4 (8). — С. 50—54.
12. Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сиб. филол. журн. — 2011. — № 1. — С. 200—207.
13. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. — М. : Изд-во ЛКИ, — 2007. — 227 с.
14. Сяосяо, Ц. Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе / Ц. Сяосяо // Полит. лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 239—243.
15. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.
16. Chilton, P. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house' / P. Chilton, M. Pinyan // Discourse and Society. — 4 (1). — 1993. — P. 7—32.
17. Harvey, A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Rev. — 1999. — Vol. 275 (1603). — P. 85—93.
18. Howe, N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse / N. Howe // Metaphor and Symbolic Activity. — 1988. — Vol. 3 (2). — P. 87—104.
19. Ivanovic, I. Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse / I. Ivanovic // XLinguae J. — 2017. — Vol. 10 (2). — P. 16—29.
20. Pasaribu, T. A. Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches / T. A. Pasaribu // LLT J. — 2016. — Vol. 19, № 2. — P. 96—104.
21. Rickert, W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II / W. Rickert // Central States Speech J. — 1977. — Vol. 28. — P. 106—112.
22. Semino, E. Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci // Discourse and Society. — 1996. — № 7 (2). — P. 243—269.

Источники

<https://www.bmvg.de>

<https://www.bundesregierung.de>

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. russia_science@mail.ru

Федянина Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. e-mail: fedianina@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 66—72.*

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE PROFESSIONAL DISCOURSE OF FEMALE POLITICIANS IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

V.A. Kameneva, L.I. Fedyanina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00522

The article is devoted to the study of anthropomorphic metaphor in modern German-language political discourse. The sphere-magnet of anthropomorphic metaphors of female German politicians is revealed and analyzed. The study is carried out on the basis of presentations and meetings of Ursula von der Leyen, Francis Giffey, Julia Klöckner, Sveni Schulze, Katarina Barlyay in 2018. The paper shows that German female politicians resort to anthropomorphic metaphorization in their professional discourse, describing Germany and countries with which it is important to maintain good political relations. Economic and military-political associations also act as a magnet sphere of metaphorical expansion in the description of various organizations, the armed forces and the air forces of the country, federal departments and commissions, politics and the economy of Germany. The paper shows that, on the one hand, using anthropomorphic metaphorization, politicians emphasize that certain problems are man-made, which means they can be solved. On the other hand, the use of anthropomorphic metaphorization to some extent helps politicians relieve themselves of responsibility.

Keywords: *political discourse, anthropomorphic metaphor, pragmatic potential, political metaphorology, linguopersonology.*

References

1. Anikin E.E., Budaev E.V., Chudinov A.P. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikacii Rossii [Historical dynamics of metaphorical systems in the Russian political communication]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2015, no. 3 (44), pp. 26-32. (In Russ.).
2. Balashova L.V. Antropomorfnyaya metafora v zhanre analiticheskogo obzora "Itogi 2016 goda" v rossijskoj presse [Anthropomorphic metaphor in the genre of the analytical review "Results of 2016" in the Russian press]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2018, no. 4 (20), pp. 277-285. (In Russ.).
3. Kameneva V.A., Perevalova A.A. Sfery-istochniki metaforicheskoy ehkspansii v rechah B. Obamy [Sources of metaphorical expansion in the speeches of B. Obama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 17 (271), pp. 80-86. (In Russ.).
4. Kerimov R.D. *Metaforicheskij antropomorfizm v social'no-politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication]. Kemerovo, 2015. 339 p.
5. Kerimov R.D. Antropomorfizm kak kognitivno-yazykovoj mekhanizm metaforizacii v politdiskurse [Anthropomorphism as a cognitive-linguistic mechanism of metaphorization in political discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2015, no. 22, pp. 448-450.
6. Kerimov R.D., Fedyanina L.I. Nemeckij tekst Biblii kak istochnik metaforicheskoy antroponimiki [The German text of the Bible as a source of metaphorical antroponymy]. *Sovremennye napravleniya analiza i interpretacii inokul'turnyh tekstov* [Modern directions of analysis and interpretation of foreign cultural texts]. Tomsk, 2013. Pp. 44-52.
7. Kerimov R.D., Fedyanina L.I. Antropomorfnyj priznak nemeckih konceptov 'GELD' i 'POLITIK' [Anthropomorphic sign of German concepts 'GELD' and 'POLITIK']. *Kul'tura kak tekst* [Culture as a text]. Moscow, Smolensk, 2009. Pp. 63-72.
8. Kondrat'eva O.N. Metaforicheskaya reprezentaciya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiostile Yulii Tymoshenko [Metaphorical representation of the political life of Ukraine in the idiostyle of Yulia Tymoshenko]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2010, no. 4 (34), pp. 101-112. (In Russ.).
9. Kondrat'eva O.N., Kameneva V.A. Lingvopoliticheskaya personologiya (metaforicheskij rakurs issledovaniya) [Linguopolitical personology (metaphorical perspective of the study)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2020, no. 1, pp. 78-96. (In Russ.).

10. Maksimova Yu.A., Milyutina M.G. Politicheskaya metaforika L.D. Trockogo (na primere antropomorfnyh metafor) [L.D. Trotsky's political metaphor (on the example of anthropomorphic metaphors)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2013, no. 2, pp. 134-138.
11. Malyukova D.S. Antropomorfnye metafory v sovremennom politicheskom diskurse [Anthropomorphic metaphors in modern political discourse]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2009, no. 4 (8), pp. 50-54.
12. Mel'nik N.V. Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka [Linguistic personality and text as a subject of linguistic personology of the Russian language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2011, no. 1, pp. 200-207. (In Russ.).
13. Parshina O.N., Sirotinina O.B. (ed.). *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice]. Moscow, LKI Publ., 2007. 227 p. (In Russ.).
14. Syaosyao C. Ob issledovanii metafory v amerikanskom prezidentskom diskurse [On the study of metaphor in American presidential discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 4 (58), pp. 239-243. (In Russ.).
15. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.).
16. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house'. *Discourse and Society*, 1993, no. 4 (1), pp. 7-32.
17. Harvey A.D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor. *Contemporary Review*, 1999, vol. 275 (1603), pp. 85-93.
18. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1988, vol. 3 (2), pp. 87-104.
19. Ivanovic I. Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse. *XLinguae Journal*, 2017, vol. 10 (2), pp. 16-29.
20. Pasaribu T.A. Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches. *LLT Journal*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 96-104.
21. Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II. *Central States Speech Journal*, 1977, vol. 28, pp. 106-112.
22. Semino E., Masci M. Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy. *Discourse and Society*, 1996, no. 7 (2), pp. 243-269.

Sources

<https://www.bmvg.de> (In German).

<https://www.bundesregierung.de> (In German).